

Прометей от Эсхила до Мустая Карима
Сунаргулова Лилия Жамилевна
студентка ГОУ ВПО Сибайский институт (филиал) Башкирского государственного университета,
Сибай, Россия

Прометей (греч. Prometheus) в греческой мифологии - сын титана Япета и океаниды Климены, брат Атланта и Эпиметей; в мифах выступает богоборцем и защитником людей [Лосев 1990: 442].

Образ этого героя, бросившего вызов богам ради любви к людям и счастья познания жизни, но отвергнутого и обреченного на жестокие муки, становится вечным образом мировой литературы и во все времена притягивает к себе повышенное внимание.

Начиная с Античности, поэты и писатели, исходя из собственных философско-эстетических воззрений и передовых идей современной им эпохи, по-разному интерпретировали миф о гордом Титане. Например, древнегреческий трагик Эсхил в «Прикованном Прометее» (460-450 г. до н.э.) демонстрирует силу человека в широком смысле слова. Он рисует образ борца-филантропа, гениального творца зарождающейся цивилизации, морального победителя в условиях физических мук. Дух человека нельзя сломить никакими страданиями и угрозами, если он вооружен глубокой идейностью и железной волей.

Гёте в драме «Прометей» (1773 г.), созданной в эпоху Просвещения, когда разум и знание являлись величайшей силой, которая только и могла преобразовать мир, изображает Прометея просветителем бедных людей.

Романтизм наделяет Прометея Байрона в одноименной поэме и Шелли в «Освобожденном Прометее» чертами дерзкого мечтателя, самозабвенного, пылкого, романтического героя.

В русской литературе Прометей, как титан науки, впервые появляется у М. В. Ломоносова в оде «О пользе стекла» (1752 г.), одаривая людей не огнем, а увеличительным стеклом, но «не звезд свирепых полк, на знатны вымыслы сложил неправый толк» [К]

В. Г. Белинский дает истолкование образу Прометея в духе гегелевской философии: «Прометей и Зевс - это божества, разделившиеся на самого себя, это сознание, распавшиеся на две стороны, которые по закону диалектического развития враждебно стали одна к другой. Зевс - это непосредственная полнота сознания, Прометей - эта сила рассуждения, дух, не признающий никаких авторитетов, кроме разума и справедливости» [2].

В Советской поэзии белорусский поэт Якуб Колас огонь Прометея интерпретирует с «лампочкой Ильича», а грузинский писатель Р. Гветадзе отождествляет античного титана со Сталиным, который дал народам пламя Прометея [4].

Пьеса Мустая Карима, выдающегося башкирского писателя XX века, «Не бросай огонь, Прометей!» повернула легенду о Прометее новой гранью, в которой мощно звучит мотив гения и народа. Мустай Карим так определил цель написания трагедии: «Мне хочется переосмыслить по-своему образ Прометея, легенду о нем. Меня интересует такая проблема: как приняли люди огонь, дарованный героем? В древнем сказании об этом ничего не говорится. А, по-моему, это очень важно - отношение людей к идее, к идеалу, к мечте». [1]. Трагедия «Не бросай огонь, Прометей!» (1976), явилась заключительным аккордом трилогии, общей идеей которой выступает идея свободы («В ночь лунного затмения» (1963), «Салават» (1971)). «Эта идея в каждой трагедии раскрывается по-своему: в «В ночи лунного затмения» в личностном плане, в «Салавате» - национальном плане, «Не бросай огонь, Прометей!» - общечеловеческом плане», - говорил сам автор.

Уже с самого начала трагедии образ Прометея приобретает черты героического величия благодаря тому, что титан заранее знал о грозящих ему муках и, тем не менее, по собственному умыслу навлек на себя долгие страдания. Вступая в борьбу с Зевсом, Прометей идет к огромной опасности и столь же сознательно принимает на себя последствия своего деяния: «Что ж, если Зевс осудит/И проклянет./Быть может, заслужу/ Я у людей любовь и благодарность». Но готовы ли были принять этот великий дар люди, чтобы увидеть «сколько красоты и мощи/Есть в нем самом...»? Вместо благодарности за открывающиеся пути торжества света человек является узким, бездумным, ведомым существом, но цивилизация и культура в человеческом обществе возможны только при господстве влияния индивидуальных личностей. Так в образе Прометея поляризуется, кристаллизуется представление о гармоническом герое, который приобретает исключительное величие. Он является защитником и покровителем все рода человеческого. «Непреклонность Прометея, у Мустая Карима делает его образ воистину трагическим, но поверженный борец не сдается на милость победителя, а сам, изнемогая от мучения, крепко держит в своих руках судьбу врага» [3].

Огонь мифического Титана в трагедии «Не бросай огонь, Прометей!» выступает символом стремления к идеалу, торжества духовной жизни, свободы духа, господства света науки и культуры: «Учитесь делать из себя людей», - говорит напутственные слова человечеству Мустай Карим устами Прометея.

Список литературы

1. Аралбаев К. А., Галимова Г. Г. Киньябулатова И.Л. Мустай Карим. - Уфа: Китап, 2000. - С. 240.
2. Белинский В.Г. Статьи о народной поэзии. Полн. собр. соч. Т. 5 - М., 1954, С. 322.

3. Кильмухаметов Т. Драматургия Мустая Карима Своеобразие жанровой эволюции. - Уфа, 1979.
4. Лосева А. Ф. Мировой образ Прометея // Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. - М., 1976.
5. Лосев А. Ф. Прометей// Мифологический словарь. - М 1990. - С. 442-444.
6. Ломоносов М. В. Избранные произведения. Библиотека поэта. Большая серия, 3-е изд. Ленинград: Советский писатель, 1986